
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Э. БЮИССАНС*

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТАХ: РЕЧЬ – ДИСКУРС – ЯЗЫК¹

Аннотация. Предметом изучения лингвистики не является, собственно говоря, язык. Лингвистический факт относится к категории актов социальной коммуникации, а язык – это не акт, а система. Речь же является актом, но лингвистические факты в ней связаны с нефункциональными элементами, от которых нужно абстрагироваться. Как только процесс их исключения совершен, получается лингвистический факт в чистом виде, дискурс. Таким образом, лингвистика изучает дискурс. Она стремится установить правила, которые регулируют его использование, они и называются языком.

Ключевые слова: язык; речь; дискурс; лингвистический факт.

E. Buysens

On the abstract and the concrete in linguistic facts: Speech – discourse – language

Abstract. Language is not the actual subject of linguistics. Linguistic fact belongs to the category of acts of social communication, but language is not an act, it is a

---

* **Бюиссанс Эрик Жан Луи (1910–2000)**, бельгийский ученый, лингвист, филолог, профессор Брюссельского свободного университета (Бельгия). Член Королевской академии наук и искусств Бельгии.

Buysens Eric Jean Louis (1910–2000), Université libre de Bruxelles, member of the Royal Academy of Science, Letters and Fine Arts of Belgium.

¹ Переведено по: Buysens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: La parole – le discours – la langue // Acta Linguistica. – Copenhague, 1942. – Vol. 3, Iss. 1. – P. 17–23.

system. Speech is an act, but language in it is associated with non-functional facts that need to be eliminated. When this process of elimination is realized, we get the linguistic fact in its pure state, the discourse. Linguistics is the study of discourse. It seeks to determine the rules of its use, and it is those rules that are the language.

Keywords: language; speech; discourse; linguistic fact.

Для начала вспомним, что такое абстракция. Зачастую абстрактное противопоставляют конкретному, в то время как первое – только часть последнего. Если, к примеру, я по очереди взгляну на бумагу, на которой пишу, на молоко, которое пью, на снег, покрывающий землю, то я могу сконцентрировать внимание на единственном ощущении, которое каждый из этих внешних фактов производит во мне, т.е. на белизне. Совершая этот процесс, я мысленно изолирую элемент, который, однако, не существует отдельно в предмете моей мысли. Психологический элемент, изолированный таким образом, есть абстракция.

Всякая абстракция представляет собой неясное понятие как раз потому, что она фрагментарна. Это видно на простом примере. Настоящие лошади бесконечно различны по множеству характеристик, среди прочего по окрасу и размеру, но концепт лошади состоит только из тех характеристик, которые присущи всем лошадям, следовательно, этот концепт не включает ни какого-то определенного размера, ни какого-то определенного окраса. И если я попрошу художника написать лошадь вообще, ему это будет не под силу. Он сможет изобразить разве что конкретную лошадь. Если мы пробуем представить концепт лошади, он предстает нам чем-то бесконечно туманным, но с функциональной точки зрения он имеет совершенно определенную ценность: нам достаточно бегло взглянуть на разных непарнокопытных, чтобы сразу отличить лошадь от осла, мула или зебры.

Принимая во внимание все сказанное, мы можем смело приступить к изучению лингвистического факта (*le fait linguistique*). Этот факт связан с речью, т.е. деятельностью, которая соединяет звуки с состояниями сознания таким образом, что первые позволяют передавать последние от одного индивида к другому. Следуя этой связи, мы называем звуки формой речи, а факты сознания – ее значением.

Лингвиста не интересуют все характеристики звуков, составляющих речь. Если я скажу фразу «Его отец болен» тихо,

громко или обычным тоном, фраза останется прежней, однако звуки определенным образом изменятся. Я также могу говорить медленно или быстро, не изменяя лингвистической функции слов. Появятся и другие, не играющие существенной роли особенности, если фразу произнесут тенором, баритоном или басом, кто-то будет четко артикулировать, а кто-то мямлить, наконец, сам тон фразы будет меняться от одного говорящего к другому, однако мы все же узнаем изначальную фразу. Все эти изменчивые характеристики, которые позволяют слушающему узнать говорящего по голосу, не мешают нам считать, что фраза «Его отец болен», произнесенная Жаном, имеет в точности такую же лингвистическую функцию и в устах Поля. Это функциональное равенство фраз, которые различны в некоторых деталях, экспериментально доказывает, что форма лингвистического факта не тождественна конкретной речевой форме. От последней мы оставляем только стоящие и функциональные признаки, лишь они составляют лингвистическую функцию и являются лингвистическим фактом.

Как уже было замечено лингвистами, феноменом оказывается не звук, а абстракция, извлекаемая из него, как писал Трубецкой, единство функциональных признаков звука. Аналогично следовало бы обратиться к тону и дополнить фонологию тонологией или сделать тонологию частью фонологии. Очевидно, к примеру, что одна и та же вопросительная интонация оказывается применима к разным фонемам: «Когда он приедет?» может быть произнесено тем же тоном, что и «Чего она хочет?». В конкретной реальности тон неотделим от фонем, но мысленно мы его легко выделяем, поскольку его функция ясна: следовательно, это абстракция. Более того, сама вопросительная интонация меняется от одной фразы к другой, от одного говорящего к другому, и эти изменения все еще не являются лингвистической функцией. Воссоздать вопросительный тон вообще было бы столь же невозможно, как и изобразить лошадь вообще.

Таким образом, можем сделать вывод, что лингвистический факт как таковой, в том, что касается его формы, – не конкретная речь, но ее часть, функциональная абстракция.

Состояние сознания, с которым речь связывает звуки, не интересует лингвиста по всем тем параметрам, которые делают его конкретным фактом. Если один человек скажет: «Его отец болен», он может представлять более или менее конкретный образ тридца-

тилетнего мужчины, который 12 января 1800 г., страдая морской болезнью, перегнулся за борт корабля. Сюда входит и идея об определенных взаимоотношениях этого мужчины с его трехлетним сыном. Но другой человек имеет полное право использовать ту же фразу в отношении пятидесятилетнего господина, который только что, сидя в гостиной 3 апреля 1870 г., вздорным образом воспротивился свадьбе своего двадцатипятилетнего сына. Наконец, третий человек употребит эту фразу, говоря о восьмидесятилетнем старике, прикованном бронхитом к постели с 6 по 30 октября 1942 г., что заставляет сильно беспокоиться господина пятидесяти лет. Тот факт, что все три человека вправе употребить одну и ту же фразу с одним и тем же смыслом, хотя думают они о столь разных ситуациях, экспериментально доказывает, что лингвистический факт служит не для того, чтобы указывать на наши факты сознания во всей конкретной реальности. Мы обмениваемся лишь отдельными элементами, т.е. абстракцией.

В частности, использование слова *отец* в этой фразе, что бы там ни говорил П. Наэрт (P. Naert) [Naert, 1942, p. 185], не связано с представлением о конкретном отце из плоти и крови, который жил в определенную эпоху и произвел кого-то на свет. Мы связываем это слово с определенными характеристиками, которые мысленно выделяем среди всех, свойственных людям. Все эти характеристики составляют концепт отца; достаточно, чтобы мы имели представление об этом функциональном минимуме, чтобы полноправно использовать слово *отец*. Это настолько точно, что мы употребляем это слово, даже и не думая ни о каком конкретном отце: например, во фразе: «У римлян отец имел такую же власть над сыном, как господин над слугой» – речь идет о концепте отца, несмотря на то что мы не используем формулировку *концепт отца*.

Но вернемся к фразе «Его отец болен». Представим на мгновение, что она была кем-то написана на бумажке и выброшена на улицу, где я увидел и прочитал ее: мне ни за что не узнать, о каком отце идет речь, когда и чем он заболел, что за сын имеется в виду. Одним словом, я не смог бы конкретно представить себе мысль того, кто написал эту фразу, и тем не менее я прекрасно понимаю, о чем она. Это экспериментально доказывает, что мы должны отличать значение и конкретное состояние нашего сознания в момент речи. Значение составляют лишь некоторые элементы факта сознания, которым мы приписываем некоторую функцию в лин-

гвистическом акте. Таким образом, можем сделать вывод о том, что в плане значения лингвистический факт как таковой – не конкретная речь, но ее часть, функциональная абстракция.

Выводы относительно формы и значения лингвистического факта, к которым мы приходим, подтверждаются и взаимно дополняют друг друга. Они позволяют нам определить лингвистический факт как то, что является функциональной частью речи. Следовательно, речь не является объектом изучения лингвистики¹. Прежние грамматикологи обнаружили это чисто опытным путем: речь они воспринимали не как поток конкретных звуков, но лишь как их отражение на письме. Так, письмо основано на лингвистической абстракции. Поскольку всякая надпись представляет собой фразу, она не стремится передать все до одного звука, произнесенные определенным индивидом. Даже если перед нами орфография, которая в точности следует фонетике, она фиксирует графически только функциональные элементы, одинаково произносимые всеми индивидами, которые могли бы сказать эту фразу. В частности, каждая буква представляет не звук, а фонему. Если мы, напротив, хотим записать звуки в их конкретной реальности, то воспользуемся фонографом, хотя и им мы будем не вполне довольны.

В отношении значения позиция грамматиков испокон веков была категорической: они недвусмысленно заявили, что значение слова – это концепт.

Наконец, к самому существительному *речь* (*parole*) французские грамматикологи никогда не были особо благосклонны, зачастую предпочитая слово *дискурс* (*discours*), которое закрепилось в выражении *les parties de discours* (части речи, дословно – «части дискурса»). По этой причине я предлагаю называть дискурсом то, что предстает в речи функциональной частью, и ввести это понятие как средний термин в оппозиции «язык – речь».

Термин *язык* прочно закрепился в научном обороте с тех пор, как Соссюр употребил его для обозначения системы, которая управляет речью (*gérer la parole*), т.е. более или менее связного набора более или менее соблюдаемых правил. Соссюр утверждал,

---

¹ Так считал еще Соссюр, но доказывал это с помощью нецелесообразных аргументов. Дополнительные сведения см. в моей статье: [Buysens, 1942]. Когда эта статья была написана, я еще не имел четкого представления об отличии речи и дискурса.

как и многие вслед за ним, что эта система и есть настоящий предмет изучения лингвистики, более того, он даже настаивал на том, что язык нужно изучать отдельно от речи; ему это не удалось, как и никому после. Лингвистическую систему действительно можно постичь только в коммуникативном акте, который является лингвистическим фактом. Кому придет в голову учить грамматику младенца, когда он и говорить еще не умеет? Ребенок сначала знакомится с нашей речью, учится распознавать в ней функциональные элементы, те, с помощью которых мы общаемся, одним словом, дискурс. Как раз сравнивая дискурсы, ребенок обнаруживает, что они состоят из знаков, подчиненных некоторой системе. Еще К. Бругман (K. Brugmann) писал: «Слова менее абстрактны, нежели фраза» [Abrégé...1905, p. 272]. Таким образом, язык – это абстракция по отношению к дискурсу, который сам абстракция по отношению к речи. В общем, лингвистический факт в корне абстрактен.

По этой причине лингвист может приступить к исследованию, только обратившись к речи: как зоолог, который хочет узнать лошадь вообще, занимается изучением конкретных лошадей, так и лингвист, которого интересует лингвистический факт, рассматривает конкретную речь. Но это не значит, что предметом изучения лингвистики, собственно, является язык: лингвистический факт относится к категории актов социальной коммуникации, а язык – это не акт, это система. Речь же является актом, но, как мы видели, лингвистические факты в ней связаны с нефункциональными элементами, от которых нужно абстрагироваться. Когда процесс их исключения произошел, получается лингвистический факт в чистом виде, т.е. дискурс.

Таким образом, лингвистика изучает дискурс. Она, очевидно, стремится установить правила, которые регулируют его использование, т.е. язык. Но лингвистика должна также признать, что небольшая часть лингвистических фактов – междометия – ускользает от языка.

Объем статьи не позволяет вдаваться в подробности. Однако есть момент, который часто приводится в связи с конкретными или абстрактными признаками лингвистических фактов, – это различие слова изменяемого и неизменяемого¹. На этом различии

---

¹ Для простоты я исхожу из признанной реальности слова, о которой я говорю в книге «Язык и дискурс: функциональный язык как часть семиотики» [Buysens, 1943], в которой также приводится больше подробностей относительно

уже основано разделение индоевропейских языков на аналитические и синтетические. Сегодня об этом говорят как о развитии языков в направлении большей абстракции. Посмотрим, что имеется в виду.

Возьмем французские вокабулы *aimer*, *aime*, *aimont*, *aimant* и т.д. Эта группа составляет систематическое единство, т.е. единство, которое организовано по тем же правилам, что и множество групп такой же системы. П. Наэрт (P. Naert) совершенно прав, говоря, что «единство форм – в уме, а не в формах» [opt. cit., p. 191]. Только позволю себе уточнить его мысль: единство подобной группы основано на общности функции. Конечно, я не имею в виду только «синтаксическую функцию», понимая под ней функцию, которую мы в уме относим к лингвистическим элементам. В языке мы группируем разные вокабулы дискурса, чтобы получить то же изменяемое слово, поскольку мы приписываем им одну или несколько общих функций.

Функциональное единство изменяемого слова реализуется у нас в уме через процесс абстракции, подобный тому, который вне лингвистических фактов позволяет нам, к примеру, выделять концепт волка среди разных конкретных волков. Общее значение форм латинского существительного *lupus* в точности то же, что во французском связано с единственной вокабулой, на письме передаваемой как *loup* или *loups*, следовательно, я не считаю, что эволюция индоевропейских языков в сторону ухода от флексий представляет собой развитие в сторону абстрактного, как того хотел Мейе (Meillet). Даже напротив, на формальном уровне происходит обратное: различные формы одного латинского существительного порождают в уме неясное понятие абстрактной основы, тогда как неизменяемое французское слово имеет гораздо более конкретный характер. Нефлективные языки, следовательно, располагают более конкретной формой, нежели остальные. Однако речь идет только о разнице в степени конкретности: не будем забывать, что всякий лингвистический факт как таковой по определению абстрактен.

Список литературы

- Abrégé de grammaire comparée des langues indo-europeennes, d'après le Précis de grammaire comparée de K. Brugmann et B. Delbrück. – Paris: Klincksieck, 1905. – 856 p.
- Buyssens E.* Les langages et le discours: Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. – Bruxelles: Office de Publicité, 1943. – 99 p.
- Buyssens E.* Les six linguistiques de F. de Saussure. – Bruxelles: Didier, 1942. – 19 p.
- Naert P.* Reflexions sur le caractère du mot dans les langues anciennes et dans les langues modernes // Acta Linguistica. – Copenhagen, 1942. – Vol. 2, Fasc. 4. – P. 185–191.

Перевод с фр. Е.В. Бельской